

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №11 25/11/2012– www.afficha.info

«Три сестры» Льва Додина глазами французской прессы.

Екатерина Богопольская

Photo Victor Vassiliev

Рене Солис, театральный обозреватель газеты «Libération»:

«Лев Додин представляет черную версию пьесы Чехова. В «Дяде Ване», поставленном 10 лет тому назад, действие происходило на планшете светлого дерева и все персонажи были одеты в белое. В «Трех сестрах» все краски помрачнели, как если бы трагическое мироощущение взяло вверх. Но при этом никакой меланхолии. Чехов, которого предлагает Додин и актеры его постоянной труппы Малого драматического, не имеет ничего общего с традицией сентиментального и вялого прочтения пьесы, сложившейся в многочисленных французских постановках «Трех сестер». Русские исполнители явно не разделяют душевные состояния своих французских коллег. Три героини абсолютно непредсказуемые и невероятно живые, главной характерной чертой сестер при всех различиях является спонтанность. И в этом ощущении непредсказуемости одна из самых сильных сторон труппы Малого. Здесь нет отдельных актерских «номеров», но странная смесь воодушевления и сомнений, как если бы речь шла не столько о том, чтобы перевоплотиться в персонаж, сколько позволить ему увлечь за собой, даже если он при этом отдавит вам ноги. Чернота спектакля отсылает не столько к отсутствию выхода из ситуации, сколько к современному состоянию мира, где нет места утопиям, где за словом «работа» кроется какой-то угодный смысл, кроме освобождения.

Лучше всего, заключает журналист, подытожил смысл спектакля сам Лев Додин: «Мне кажется, что сегодня во всем мире очень многие слишком хорошо осознают, что такое несбывшиеся надежды, несостоявшиеся проекты, потерянные иллюзии, невозможная любовь, и другие суровые реальности современной жизни, не теряя понимания того, что значит оставаться самим собой и сохранять свое достоинство несмотря ни на что».

Армель Эльо, театральный обозреватель газеты «Le Figaro», назвала свою статью «Русская душа» в оригинале»:

«Это Чехов, увиденный сквозь призму всех тех авторов, запрещенных советской цензурой, которых ставил в своем театре Лев Додин. Именно в школе этих авторов труппа Малого закалила свои чувства, и сильная этим умением, придает теперь персонажам Чехова абсолютно потрясающую глубину и сложность. Редко на театре нам случается так глубоко прочувствовать одиночество, изолированность от мира, полное отсутствие счастливой перспективы, как в финальной сцене этих додинских «Трех сестер». Кажется, ничего не изменилось в жизни. И сегодня. Как во времена Чехова, каждый может узнать собственные душевные и телесные страдания, несостоявшиеся мечты, чувство неудовлетворенности, с которыми надо, тем не менее, продолжать жить. Сюжет вам хорошо известен... Мы не имеем возможности подробно остановиться на изумительной игре каждого исполнителя. Лев Додин, потрясающе работающий с актерами, придает удивительную оригинальность персонажам, о которых, как нам казалось, мы все знаем наизусть. Кажется, чеховские персонажи обращаются прямо к нам, сегодняшним. Музыкальность языка, гармония тембров, тонко разработанный настрой мощности звука, абсолютно все здесь удивляет и покоряет. Все вибрирует, все живет, все заставляет смеяться и плакать. Великолепно!».

Сольвейг Дешан, театральная интернет-газета «Un fauteil pour orchestre». Статья выходит под заголовком «Пока будет жив театр»: «Действие большую часть времени происходит на ступеньках у авансцены, актеры находятся в непосредственной близости от зрителя, и, кажется, они вглядываются в нас, для нас произносят свои монологи. Они одиноки и все неразрывно вместе в какой-то трагической и веселой легкости. Ногами укоренённые в почве, и головой в небесах и в мечтаниях, которые мы, кажется, начинаем разделять с ними. Тела прогибаются, и время от времени начинают танцевать. Маша крутится, подобно волчку, подаренному на именины Ирине. Точность каждого произнесенного слова, и того, что между слов, все здесь выверено, отмерено, настоящая ювелирная работа. Хрупкость и сила живет в этих персонажах. Мы забываем о субтитрах. Мы начинаем понимать по-русски. Пока будут существовать актеры такой мощи, пока будут такие режиссеры, как Лев Додин...»

Известный критик, Жан-Пьер Бурсье пишет в ежедневной театральной газете «Rue du théâtre»: «Додин показал выдающуюся трактовку «Трех сестер». Мы здесь в области экзистенциальных высказываний, на манер Бовуар. Спектакль абсолютно увлекательный и потрясающий. Эту чеховскую пьесу часто ставят. Но версия, которую предлагает Додин, вызывает у зрителя XXI века абсолютное потрясение. Минималистская декорация, которая сжимает пространство сцены, подобно уходящему времени, гениальный ход, чтобы еще раз подчеркнуть хрупкую уязвимость места действия (разве в текст сам Андрей не признается, что он уже заложил этот дом). Пространство становится все менее приспособленным для жизни, подобно несостоявшейся или потерянной любви у каждого из персонажей. Ничего не педалируется, не переигрывается ни в сценографии, ни в актерской палитре. Додин словно возвращает доктору Чехову универсальность его высказываний о человечестве. Эта версия трех сестер надолго останется в нашей памяти».

Одиль Киро, обозреватель «Le Nouvel Observateur»: «Никогда еще мы не чувствовали душевную солидарность между героинями так, как в спектакле Додина. Там, где в большинстве постановок Наталью, парвеню, привнесенный объект, старательно держат на расстоянии, здесь одна из сестер даже способна обнять ее. Такая невероятная эмпатия в сочетании с твердостью, может быть это и есть знаменитая русская душа? И какая интенсивность! Слово жизнь пульсирует в этой несравненной текучей игре, которая тоже своего рода «авторский знак» актеров Малого. Никакого натурализма в

изображении на сцене дома сестер: простой фасад из дерева, с пустыми глазницами окон. Персонажи появляются в них словно в рембрандтовской светотени. Усевшись на козырек крыльца, подобно безразличной ко всему птице несчастья, врач, пьяный и надломленный, возвестит смерть барона Тузенбаха. Маша кричит от отчаяния после ухода Вершинина. Потом полная тишина. Три сестры, скованные несчастьем, но осанка и внутреннее достоинство неизменны, вглядываются в пустоту. Когда трагедия так абсолютна, слез больше нет. Когда Чехов поднят на такую высоту, театр, в самом деле, кажется из всех искусств самым пронзительно и щедро человеческим. Отсюда столь единственный в своем роде порыв оваций, которым зрители приветствовали эти «Три сестры».

Седрик Анжальбер, философский журнал «Philosophie magazine»: «Тогда как кажется, все политические вопросы свелись сегодня к вопросу долга и его возмещения, причем с расширением кризиса эта тенденция идет по возрастающей, театр обращается к теме растраты как к метафизическому понятию, не сводимому исключительно к экономике. Во всяком случае, русский режиссер Додин и его знаменитая труппа Малого драматического в «Трех сестрах» претворяют идею растраты себя как чистой потери, которая и составляет фундамент человеческого существования. Театр Чехова одновременно тревожит и успокаивает. Тревожит, потому что избегает любого однозначного представления мира и человека, вопрошая самый смысл существования. Успокаивает, потому что напоминает об идеалах, целостности человека и достоинстве, которое следует сохранять вопреки всему. Что остается за пределами разложения временем, сгорания жизненных энергий, истощения упований? Ничего, кроме растраты как чистой потери, устарелого аристократического умения отдать всего себя, которое больше не в цене в мире чистогана и культа полезного. Вот что с блеском выявляет Лев Додин в своей интерпретации «Трех сестер».

Фабьен Дарж, обозреватель газеты «Le Monde»:

«Великий российский режиссер дает возможность по-новому взглянуть на «Трех сестер» в постановке с участием великолепных актеров.

Вы уже не раз читали «Трех сестер»? Сходите в театр Vobigny. Эта чеховская пьеса совершенно вам незнакома? Все равно сходите. Льву Додину, величайшему мэтру русского театра после ухода из жизни в августе этого года Петра Фоменко, удалось сделать великолепный спектакль, который позволяет по-новому взглянуть на пьесу, но в то же время прекрасно вписывается в традиции русского психологического театра. Просто невероятно, насколько Чехов в его постановке говорит о нас сегодняшних. Современность постановки не так бросается в глаза, как в спектаклях немецких режиссеров, которые лобово переносят на сцену ее внешние признаки и коды. Современность здесь – в самом прочтении пьесы, которая предлагает свежий, избавленный от избитых клише взгляд на персонажей и их отношения. Результат оказался столь же захватывающим и волнующим, как сама жизнь, чему немало поспособствовали исключительные актеры. Постановка Льва Додина опирается на великолепную сценографическую идею Александра Боровского. Все, разумеется, начинается в доме, который занимает центральное место не только в пьесе, но и театре Льва Додина и большей части всего русского театра. Тем не менее, сейчас это дом с дырами вместо окон, сквозь которые мы и увидим трех сестер, Ольгу, Машу и Ирину, и окружающее их маленькое общество. Это дает почти что кинематографический ракурс, предлагает серию крупных планов, которые составляют основу постановки Льва Додина. Затем, по мере развития сюжета, этот фасад начинает надвигаться на зрителей, выталкивает трех сестер с привычных для них мест, сужая их жизненное пространство. Наталья (в исполнении Екатерины Клеопиной) представляет собой хороший пример переосмысления сюжета, в котором захватывающим образом выводятся на первый план отношения между мужчиной и женщиной. Но что еще остается делать женщинам в мире, где мужчины слабы и потеряны? Остаются ли они в одиночестве, как Ольга и Ирина,

неудачно выходят замуж, как Маша, или же берут в свои руки власть в семье, как Наташа, ни одна из них не выглядит счастливой. Лев Додин рисует поразительную картину, изображая их всех вместе за окнами фасада: четыре сестры по несчастью. Вспомним, как бы то ни было, Наташа — один из редких для Чехова по-настоящему отрицательных персонажей. Подобные переоценки — частое явление для этого спектакля. Старшая из сестер, Ольга, которой часто отводили роль невзрачной старой девы, в исполнении Ирины Тычиной приобретает небывалую ранее трагическую силу. В ее глазах виднее черная тоска, тоска женщины, которая знает, что борьба за независимость навсегда лишила ее любви. Маша? Ах, Маша Елены Калининой... Это пылкая, бурная, истинно русская душа. Ирина? В новой постановке у нежной и мягкой Ирины не осталось и капли невинности: Елизавета Боярская изобразила восхитительную юную женщину, в которой воплощается смелость жить и оставаться верной своим идеалам, что, по мнению Льва Додина, и является сутью Чехова.

Зритель начинает ощущать близость с каждым из персонажей этого спектакля, который становится все более волнительным по мере того, как мечты рушатся одна за другой, а в конце раздается безумный, дикий вопль Маши при виде уходящего Вершинина, с которым она хотя бы познала любовь. Если и в этот момент у вас не екнуло в груди, и вы не застынете в кресле, то театр явно не для вас».

Рецензию заключает интервью с Львом Додиным: «Чехова часто обвиняли в аполитичности. Но сегодня мы понимаем, что он просто видел дальше своих современников. Почему мы живем, почему страдаем, словно вопрошает Чехов, естественно, не находя ответа на этот вопрос. Меня всегда поражало расхожее мнение, что персонажи Чехова - неудачники, которые проводят время в жалобах на жизнь. Но, если внимательно вчитаться в текст, то все наоборот. Они все работают. Только они очень требовательны по отношению к самим себе и к жизни».